

УДК 316.75:37.017.4

ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК
ОСНОВА МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ В ЭПОХУ
ПОСТГЛОБАЛИЗАЦИИ

Чащина Анна Александровна – кандидат философских наук, заместитель директора по науке Регионального научно-методического центра «Основы российской государственности», доцент кафедры теории и методики социальной работы Юридический Институт, ФГАОУ ВО «Сибирский Федеральный университет», e-mail: chashina05@mail.ru

Аннотация: В статье анализируется эволюция социальной работы в России, рассматривается смена мировоззренческих оснований профессии в контексте постглобализации. Автор акцентирует внимание на переходе от утилитарной модели к парадигме гражданственности и социальной ответственности, укорененной в традиционных ценностях служения. Выделяются ключевые технологические и институциональные изменения, связанные с кадровым обеспечением и престижем профессии. Особое внимание уделяется формированию специалиста нового типа, так называемого «социального архитектора», действующего на перспективу и несущего ответственность за отложенные социальные эффекты.

Ключевые слова: социальная работа, постглобализация, гражданственность, социальная ответственность, традиционные ценности, социальная архитектура, кадровая политика, межсекторное взаимодействие.

CITIZENSHIP AND SOCIAL RESPONSIBILITY AS THE FOUNDATION OF
THE WORLDVIEW PARADIGM IN THE ERA OF POST-GLOBALIZATION

Chashina Anna Aleksandrovna – PhD in Philosophy, Deputy Director for Science at the Regional Scientific and Methodological Center “Fundamentals of Russian Statehood”, associate professor of the Department of Theory and Methodology of Social Work, Law Institute, "Siberian Federal University"

Abstract: The article analyzes the evolution of social work in Russia and examines the shift in the ideological foundations of the profession in the context of post-globalization. The author focuses on the transition from a utilitarian model to a paradigm of civic engagement and social responsibility, rooted in traditional values of service. Key technological and institutional changes related to staffing and the prestige of the profession are highlighted. Special attention is paid to the formation of a new type of specialist — the so-called “social architect” — who acts with a long-term perspective and is responsible for the delayed social effects.

Keywords: social work, post-globalization, civic engagement, social responsibility, traditional values, social architecture, personnel policy, intersectoral interaction.

В 2026 года исполняется 35 лет институционализации социальной работы в современной России, за три с половиной десятилетия профессия прошла путь от стихийного выживания в условиях системного кризиса 90-х годов до амбициозной задачи стать стратегией государственной социальной политики в эпоху цифровизации и проактивности. Однако новые времена вновь принесли вызовы и угрозы, общество вновь оказалось на перепутье. Глобальный переход от либерально-глобалистской модели к постглобализационному укладу сопровождается фундаментальными ценностными сдвигами, пересматриваются приоритеты индивидуализма и утилитаризма в пользу коллективизма, традиционных ценностей, патриотизма и солидарности. Как отмечает И. В. Малыгина, «тектонические сдвиги, произошедшие на фоне череды геополитических потрясений, наблюдаемых в режиме реального времени... требуют иной объяснительной парадигмы, адекватной новой, постглобальной реальности, гуманитарным поражениям, доставшимся России «после глобализации» [3, с. 21].

В современной России, появился не только запрос на цивилизационное самоопределение, но и более того активно формирует запрос на новую идентичность и доверие. В этих условиях мировоззренческая парадигма

социальной работы неизбежно смещается в сторону гражданственности и социальной ответственности. Социальная поддержка начинает пониматься не как рыночная услуга, а как конституционная обязанность государства и нравственный долг гражданина, что требует переосмысления самой сути профессии.

Проблема смены ценностных оснований социальной работы в контексте постглобализации нашла отражение в работах и лекциях В. Э. Багдасаряна, который говорит не только о переходе от утилитарных ценностей к традиционным, индивидуализма к коллективизму, но и акцентирует внимание на аксиомах, то есть войне ценностей, в условиях восстановления поколенческой и профессиональной иерархии (родитель-ребенок, учитель-ученик, наставник-стажер), перехода с идентичности космополита на идентичность патриота. Эмпирические данные всемирного обзора ценностей, представленные в его исследовании, показывают, что «Россия демонстрирует высочайшие показатели практически по всем категориям традиционных ценностей: жизнь, достоинство, патриотизм, служение Отечеству, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемство поколений, единство народов России находятся на уровне 80–100 %».

Справедливо заметить, что социальная работа никогда не отказывалась от традиционных ценностей, и полемика о мировоззренческом перевороте является для представителей этой профессии неактуальной, так как ценности жизни, достоинства, взаимопомощи, милосердия, служения и сопричастности коллективу всегда были основами профессиональной этики. Однако сегодня эти ценности требуют нового прочтения. Как показывает А.А. Чащина феномен служения представляет собой сложный междисциплинарный концепт, объединяющий традиционные ценности и современные социальные практики. Русские философы рассматривали служение как экзистенциальную

сущность человека: В. Соловьев видел в нем «служение Добру чистому, всестороннему и всеильному», В. Розанов как путь к познанию себя через самоотдачу, а И. Ильин трактовал служение как проявление чести и исполнение нравственного долга перед государством и обществом [8, с. 239].

Таким образом, гражданственность сегодня — это осознание специалистом своей роли в укреплении суверенитета и традиционных устоев страны, а социальная ответственность — готовность отвечать за долгосрочные последствия своих действий. Данные ценности получают новое осмысление в контексте концепции социальной негэнтропии Н. М. Чуринова, где практики служения выполняют важную функцию снижения социальной энтропии (меры отклонения социальной системы от эталонного состояния), способствуя гармонизации общественных отношений [10].

Эпоха постглобализации предъявляет социальной работе новый ценностный и технологический запрос. Россия уже в новейшей истории прошла путь от ситуативной кризисной модели к проактивной социальной модели. Однако технологический рывок создает кадровый дефицит, несмотря на то, что именно бакалавриат по направлению «Социальная работа» является качественным базовым образованием для многих социально-гуманитарных направлений и узких профилей. При этом самобытные академические и образовательные школы сохранились лишь в нескольких точках — Сибирь (Красноярск, Новосибирск, Улан-Удэ), Кавказ (Махачкала, Ставрополь), Центральный округ (Липецк, Москва), Приволжский округ (Пермь). Сегодня мы говорим о междисциплинарности и надпрофессиональной компетентности, то есть нет социальной работы в чистом виде. Это технологичная деятельность по работе в различных сферах жизнедеятельности — экономике, политике, общественном секторе, социальных институтах. Так, при применении социальных технологий на профессионале лежит большая социальная ответственность за те социальные эффекты, которые наступят по прошествии времени. И в данном контексте мы не можем социальный эксперимент переделать снова, как в точных науках, так как социальный эффект имеет

критерий невидимости и отложенного результата, то есть специалист всегда действует на перспективу. Именно поэтому так важно обучать социальных работников технологиям проектирования, прогнозирования и социального моделирования ситуаций, исследовать социальные процессы и видеть детерминацию социальных явлений.

В условиях постглобализации и усложнения социальной реальности от специалиста требуется не просто набор компетенций, а способность к концептуальному синтезу. Как убедительно доказывает Е. Р. Кроль, деятельность современного специалиста все чаще описывается через метафору «социального архитектора» — субъекта проектирования и внедрения социальных инноваций [1]. В рамках постнеклассической эпистемологической программы, по определению В. С. Степина, при оценке результатов деятельности необходимо учитывать не только точность и логичность выводов, но и ценностную позицию субъекта познания [5, с. 46].

Социальный архитектор действует на пересечении трех методологических оптик:

1. Дискурс-анализа (М. Фуко, Н. Фэйркло), рассматривающего социальную реальность как продукт дискурсивных практик, где власть производит истину, а идентичности конструируются через язык [7].

2. Акторно-сетевой теории (Б. Латур, М. Каллон), где социальное мыслится как непрерывный процесс пересборки неоднородных сетей, включающих людей, технологии, документы и природные объекты, а ключевым механизмом изменений выступает «трансляция» интересов [2].

3. Отечественной философской традиции (М.М. Бахтин, В.А. Лекторский, Е.О. Труфанова), которая вносит в эти западные подходы недостающее измерение субъектности, ценностной рефлексии и темпоральности.

Применение такого синтеза к социальной работе означает, что специалист не может быть просто «транслятором» или пассивным исполнителем. Он становится «стратегическим посредником», который проводит анализ дискурсов (выявляя «слепые пятна» и маргинализированные группы),

выстраивает материальные сети (включая бюджетные ограничения, инфраструктуру, цифровые платформы), организует полифонический диалог (по Бахтину, не подавляя голоса Других) и применяет социальные технологии с высокой «технологической культурой».

Таким образом, современный специалист по социальной работе должен владеть четырьмя измерениями деятельности: дискурсивно-легитимационным, материально-сетевым, рефлексивно-диалогическим и технологически-операциональным. Это требует принципиально нового уровня подготовки, выходящего за рамки классического «обучения без служения». Широкое внедрение стратегических технологий — прогнозирования, моделирования, проектирования социальных ситуаций и ожидаемого социального эффекта — должно сопровождаться расширением круга междисциплинарных научных исследований по прогнозированию социальных рисков.

Несмотря на растущий запрос и включение новых категорий населения, система подготовки кадров социальной работы сталкивается с сокращением бюджетных мест, низким престижем профессии и эмоциональным выгоранием сотрудников на местах. На государственном уровне требуется разработка мер социальной поддержки, социальных гарантий и внедрение системы супервизии и психологической поддержки для профилактики выгорания у социальных работников. Маскалянова С. А. и Тафинцева Л. М. отмечают: «Профессиональная дезадаптация специалистов социозащитных учреждений — это комплексный процесс нарушения личностных адаптивных способностей индивида в ходе осуществления им профессиональной деятельности» [4, с. 130].

Преодоление выявленных противоречий требует комплекса мер, реализуемых на трёх уровнях. На институциональном уровне необходимо сохранение и расширение бюджетных мест по направлению «Социальная работа» в вузах, а также включение этой специальности во всероссийские олимпиады для повышения её престижа среди молодежи. На государственном уровне требуется разработка мер социальной поддержки и внедрение системы

супервизии. На межсекторном необходимо институциональное закрепление роли некоммерческих организаций как партнеров государства в ресоциализации и реабилитации уязвимых категорий (освободившихся из мест лишения свободы, участников СВО), что уже получило правовую основу после конституционных поправок 2020 года.

Инструментально поворот обеспечивается внедрением принципиально новых подходов. Во-первых, внедрение технологий социального сопровождения, например, сопровождаемое проживание и программы долговременного ухода, опека над взрослыми. Во-вторых, бережливые технологии в соцзащите. В-третьих, развитие сервисологии как междисциплинарной области знания, призванной осмыслить служение не только как нравственный императив, но и как сложный социальный феномен, создавая единое сервисное пространство [9, с. 12].

Социальная работа в своём профессиональном становлении прошла сложные этапы: адаптацию к кризису и выживание в 90-е; законотворчество, технологичность и первые системные реформы в 2000-е; переход от парадигмы патернализма к проактивности, социальному взаимодействию и партнёрству с некоммерческим сектором и бизнесом как равными участниками социальных отношений. Сегодня востребована роль куратора-навигатора, способного прогнозировать риски и сопровождать клиента в межведомственном поле. Но, как показал анализ, этого недостаточно. Будущее за специалистом-«социальным архитектором», обладающим технологической культурой и ценностной рефлексией.

Социальная работа в России имеет все шансы стать мировоззренческим лидером новой эпохи, где краеугольным камнем новой парадигмы должны стать гражданственность и социальная ответственность — не как абстрактные декларации, а как практические инструменты формирования благополучия человека и укрепления суверенитета страны. Философия служения, соединенная с методологией социального проектирования, позволит перейти

от простого оказания услуг к подлинному преобразованию социальной реальности.

Список литературы:

1. Кроль, Е. Р. Деятельность социального архитектора как предмет концептуального синтеза дискурс-анализа, акторно-сетевой теории и отечественной философской традиции / Е. Р. Кроль // Гуманитарный институт Сибирского федерального университета. — Красноярск, 2025. — С. 10–11.
2. Латур, Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур ; пер. с англ. И. Полонской. — Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. — 384 с.
3. Малыгина, И. В. Культурная идентичность в условиях постглобализации / И. В. Малыгина. — Москва, 2023. — С. 21.
4. Маскалянова, С. А. Профессиональная дезадаптация специалистов социозащитных учреждений / С. А. Маскалянова, Л. М. Тафинцева // Актуальные проблемы теории и практики социальной работы. — 2022. — С. 130.
5. Степин, В. С. Типы научной рациональности и синергетическая парадигма / В. С. Степин // Сложность. Разум. Постнеклассика. — 2013. — № 4. — С. 45–59.
6. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения: 21.09.2026).

7. Фуко, М. Порядок дискурса / М. Фуко ; пер. с фр. С. Табачниковой // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. — Москва : Касталь, 1996. — С. 47–96.
8. Чашина, А. А. Диалектика служения: от философских концепций к социальным практикам / А. А. Чашина // Наука: опыт, проблемы, перспективы развития : материалы междунар. науч.-практ. конф. — Красноярск, 2025. — С. 238–242.
9. Чашина, А. А. Компетенции как ресурс сохранения благополучия человека в современной окружающей среде / А. А. Чашина // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. — 2017. — № 26. — С. 12. — EDN ZTULPJ.
10. Чуринов, Н. М. Совершенство и свобода : монография / Н. М. Чуринов. — 3-е изд., доп. — Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2006. — 709 с.